

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-700-716

EDN: DEQSDA

УДК 811.161.1-11

Научная статья / Research article

Перспективы экстраполяции системологии Г.П. Мельникова на исследование текстов

О.И. Валентинова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

valentinova-ov@rudn.ru

Аннотация. Системный подход в исследовании текстов сложился независимо от достижений системной лингвистики и теории больших систем. Насколько эффективной и в каком отношении может быть системология, если ее экстраполировать на изучение текстов? Не столкнемся ли мы снова с бичом современной гуманитарной науки, находящейся в глубоком кризисе, — механическим переименованием общеизвестных понятий и положений, подменяющим собой познание? В свете этих проблем в статье рассматривается перспективность применения разработанной Г.П. Мельниковым общей теории систем в изучении текстов. Исследование показало, что понимание Г.П. Мельниковым системы, опирающееся на исходные понятия качественных и граничных свойств объекта, развивающееся содержание которых постоянно уточняется в ходе рефлексивной методики рассуждения, свойственной научному творчеству ученого, имеет высокую методологическую ценность в изучении текстов. Материальное понимание связи между объектами как процесса обмена элементами более глубоких уровней и как причины свойств объектов, диалектический характер соотношения связи и свойства, конкретизация представления о связности целого объекта через понятие внутренних замкнутых потоков, применение теории множеств в определении функции того или иного элемента, материальность условий, приводящих к изменению свойств объекта, — эти и вытекающие из них другие положения теории Г.П. Мельникова получили безусловное подтверждение своей справедливости в исследовании текстов. Одновременно эти положения выступили логическим обоснованием применения того или иного метода на каждом этапе исследования текста, подтвердив именно методологическую ценность общей теории систем. Универсальность теории предполагает ее относительную гибкость. Было установлено, что в текстах глубокой степени адаптации, представляющих собой совершенные системы, такие универсальные свойства связи, как интенсивность, закон изменения интенсивности, направленность, скорость, место перехода обмениваемых компонентов, требуют дополнительной интерпретации, а установление функции как результата отображения одного множества на другое осложнено необходимостью предварительно установить, какие именно элементы ставятся ему в соответствие. В конечном счете разработанная Г.П. Мельниковым система понятий позволяет измерить степень системности текста, опираясь на его установленную меру, а значит, и степень его совершенности.

© Валентинова О.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: свойства, отношения, связь, функция, структура, переход количества в качество

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Валентинова О.И. Перспективы экстраполяции системологии Г.П. Мельникова на исследование текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 700–716. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-700-716>

Prospects for Extrapolation of G.P. Melnikov's Systemology Theory to Texts Studies

Olga I. Valentinova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ valentinova-ov@rudn.ru

Abstract. The systems approach to text research has developed independently of the achievements of systems linguistics and the theory of large systems. How effective and in what respect can systemology be if it is extrapolated to the study of texts? Will we again encounter the scourge of modern humanitarian science, which is in deep crisis, — the mechanical renaming of well-known concepts and provisions, replacing knowledge? In light of these problems, the article considers the prospects of applying the general theory of systems developed by G.P. Melnikov in the study of texts. The study showed that G.P. Melnikov's understanding of the system, based on the initial concepts of qualitative and boundary properties of the object, the developing content of which is constantly clarified in the course of the reflexive method of reasoning, characteristic of the scientific creativity of the scientist, has high methodological value in the study of texts. The material understanding of the connection between objects as a process of exchanging elements of deeper levels and as the cause of the properties of objects, the dialectical nature of the relationship between connection and property, the specification of the idea of the connectivity of a whole object through the concept of internal closed flows, the application of set theory in determining the function of a particular element, the materiality of the conditions leading to a change in the properties of an object — these and the provisions of G.P. Melnikov's theory that follow from them have received unconditional confirmation of their validity in the study of texts. At the same time, these provisions acted as a logical justification for the use of a particular method at each stage of text research, confirming precisely the methodological value of the general theory of systems. The universality of the theory presupposes its relative flexibility. It was established that in texts of a deep degree of adaptation, which are perfect systems, such universal properties of connection as intensity, the law of change in intensity, direction, speed, place of transition of the exchanged components, require additional interpretation, and the establishment of a function as a result of mapping one set onto another is complicated by the need to preliminarily establish which elements are put in correspondence with it. Ultimately, the theory developed by G.P. Melnikov's system of concepts allows us to measure the degree of systematicity of a text based on its measure, and therefore, the degree of its perfection.

Keywords: properties, relations, connection, function, structure, transition from quantity to quality

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Valentinova, O.I. (2025). Prospects for Extrapolation of G.P. Melnikov's Systemology Theory to Texts Studies. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 700–716. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-700-716>

Введение

Геннадий Прокопьевич Мельников считал своим основным трудом «Системологию и языковые аспекты кибернетики»¹ — книгу, вышедшую в 1978 г. на русском языке. Это единственное масштабное сочинение ученого, изданное в английском переводе в Европе². Именно эта работа давала универсальный инструмент познания, ключ к исследованию любого объекта действительности, доказывая, что все, что было, есть или возможно, — это система. Разной степени системности, но система, поскольку *ничто*, что бы оно ни было, *всегда имеет интервал меры*.

Понимая теорию систем как «прикладную диалектику», Геннадий Прокопьевич применил ее мощнейший объяснительный потенциал в системной типологии языков — разработанной им отрасли системной лингвистики, в которой ему удалось синтезировать морфологическую классификацию языков со стадийной, раскрывая одноуровневую, межуровневую и сквозную зависимость языковых элементов, свойств и явлений и выявляя причины колебаний и изменений языка, опираясь на разработанные им понятия внешней и внутренней детерминанты³.

Столь характерные для устных выступлений Г.П. Мельникова примеры из естественных наук, строительного мастерства, инженерного дела, живописного искусства, истории письма и иных самых разнообразных сфер бытия, подтверждающие его послы и выводы, в изданных работах — немногочисленны. Они с трудом и лишь отчасти восстанавливаются при расшифровке немногих сохранившихся в аудиозаписи выступлениях Г.П. Мельникова и по воспоминаниям его коллег и учеников [1; 2]. Общеметодологическое наследие Г.П. Мельникова, и на сегодняшний день не воспринятое наукой как таковой, остается достоянием небольшого круга лингвистов и филологов. Сложность усвоения и тем более применения системологических понятий в объяснении действительности определяется диалектическим характером их соотношения; жесткой взаимосвязанностью и свойственной ученому рефлексивной методикой, позволяющей на каждом новом этапе рассуждения через выводимые понятия уточнять исходные, возвращаясь к ним снова и снова.

¹ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М. : Радио, 1978.

² Melnikov G.P. Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics / Translated by J.A. Cooper. Amsterdam : Gordon and Breach, 1988.

³ Мельников Г.П. Системная типология языков: принципы, методы, модели. М. : Наука, 2003. EDN: QQMRET

Но вот что нас занимает: насколько теоретическая абстракция, изложенная Г.П. Мельниковым в его общей теории систем, может стимулировать и совершенствовать исследования в филологии — науке, хотя и связанной с языкознанием, но имеющей свой объект исследования — тексты, изучением которых ни сам Геннадий Прокопьевич, ни его ученики никогда не занимались? Интерес подогревается еще и тем обстоятельством, что системные исследования текстов имеют во многом независимую от системных исследований языка историю становления, опирающуюся на достижения философии искусства (эстетики)⁴, открытую В.В. Виноградовым категорию образа автора⁵, идеи доминантного изучения текста — плодотворную рефлексию гуманитарной мысли на открытия А.А. Ухтомского в области физиологии⁶.

Материалистическое понимание связи в тексте: связь как процесс обмена

Материалистические воззрения Г.П. Мельникова — результат осмысления как материи не только целостной системы, но и ее свойств, ее связей, схем взаимодействия с другими системами и между ее элементами.

В исследовании таких внетелесных объектов, как тексты, предлагаемый Г.П. Мельниковым подход дает и понимание субстанциональной сущности доказательной базы, и направление ее формирования.

Умозрительность, часто субъективная, представления о связях вымещается «предметностью» их интерпретации, поскольку связь в теории Г.П. Мельникова материализуются в связующих компонентах, которые располагаются между объектами или между частями объекта. Причем, определенным образом.

Текст относительного небольшого объема, как, скажем, повесть Ф.М. Достоевского «Двойник»⁷, позволяет исчерпывающе вывести связующие компоненты, обеспечивающие смысловую связь между двумя основными героями — господином Голядкиным и двойником как основными элементами образной системы.

Образы Голядкина и двойника оказываются на пересечении смысловых потоков, исходящих от одной и той же комбинации субъектов: Голядкин, двойник, рассказчик и другие герои (Клара Олсуфьевна и Вахромеев) говорят и о Голядкине, и о двойнике.

⁴ Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Ч. I. Теория / пер. с ит. В. Яковенко. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1920.; Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Г.Г. Шпет Сочинения. М. : Правда, 1989. С. 345—474.

⁵ Виноградов В.В. К построению теории поэтического языка // Поэтика. Временник Отдела словесных искусств. III. Л. : Academia, 1927. С. 4—44.

⁶ Ухтомский А.А. Доминанта. М. —Л. : Наука. 1966.

⁷ Достоевский Ф.М. Двойник: Петербургская поэма // Полн. собр. соч.: в 30т. Л. : Наука, 1972. Т. 1. С. 109—229.

Смыслы (компоненты), направленные от определенного субъекта высказывания к определенному объекту высказывания, образуют поток. Всего таких потоков будет 8. Каждый из 8 потоков связан, то есть имеет связующие компоненты, расположенные в определенном порядке, с остальными семью потоками. Смыслы — внутри каждого из потока и принадлежащие разным потокам — начинают взаимодействовать друг с другом, вступая в разные типы семантических оппозиций. При актуализации той или иной оппозиции происходит либо идентификация Голядкина и двойника, либо их дифференциация, то есть происходит формирование нового типа связей — объектно-объектных, а не субъектно-объектных, которые возникают в процессе называния.

Эти потоки имеют разную степень интенсивности. Наиболее мощные: от Голядкина в адрес самого Голядкина и в адрес двойника.

Представим теперь каждый из этих потоков в виде множества:

множество $\{Г\}$: Голядкин-субъект \rightarrow Голядкин-объект;

множество $\{Д\}$: Голядкин-субъект \rightarrow двойник-объект.

И, опираясь на математическую теорию множеств, найдем область их пересечения — $\{Г\} \cap \{Д\}$ и их симметрическую разность: $\{Г\} - \{Д\}$.

Компоненты, которые окажутся в области пересечения, и будут связующими компонентами, то есть материализацией связи между двумя объектами — образом Голядкина и образом двойника, — которая станет объективным основанием их сближения/отождествления.

Сможем ли мы определить порядок расположения связующих компонентов? Ведь механическая сумма не дает связи. Полагаю, что в отношении текста представление о *порядке расположения* компонентов, которое может вызывать ошибочные аллюзии, следовало бы расширить до *логики* или, еще точнее, *принципа отбора связующих компонентов*, подразумевая, что этот принцип подлежит выведению.

Компоненты, связующие образы Голядкина и двойника, предварительно можно сгруппировать по характеру отношения/оценки Голядкина и к самому себя, и к двойнику:⁸

- официальное
титულлярный советник (т.1, с. 215, **178**);
- уважительное
Яков Петрович (т. 1, с. 170, 159, **157, 196, 216**),

⁸ Чтобы оценить силу смыслового потока, мы отметили в скобках все случаи употребления каждого компонента в тексте: в адрес Голядкина — прямым шрифтом, в адрес двойника — жирным курсивом.

СИНОНИМИЧНЫЕ

барин (т. 1, с. 159–2 раза) — *ваше превосходительство* (т. 1, с. 200), *милостивый государь* (т. 1, с. 174, 188, 201);

- резко негативное
подлец (т. 1, с. 170, 159, 159, 171, 200–4 раза, 191, 196),
подлец (ты-он) этакой (т. 1, с. 178, 171),
шельмец (т. 1, с. 170, 170, 160–2 раза, 191),
развращенный человек (т. 1, с. 212, 213),

- подчеркнуто объективируемое
человек (т.1, с. 151,152, 151,171),
другой человек (171, 213, 213),
другой Голядкин (т. 1, с. 171, 179),
этот (т. 1, с. 171,171),
Голядкин (ты-он) этакой (т. 1, с. 212, 171);

- фамильярно-одобрительное
душа ты правдивая (т. 1, с. 151, 157),
мы с тобой (т. 1, с. 151, 157),

СИНОНИМИЧНЫЕ

молодой друг мой (т. 1, с. 152) — *дружнице* (т. 1, с. 157).

Отсутствие избирательности компонентов по характеру отношения/оценки двух образов — *официальное, уважительное, негативное, объективирующее, фамильярно-одобрительное* — и будет принципом их отбора, который, опираясь на понятия логики, мы могли бы сформулировать как *тенденцию к отсутствию дизъюнктивных отношений*.

И указательные местоимения *этот* и *другой* в “Двойнике” в результате пересечения смысловых потоков станут выполнять не дифференцирующую, а идентификационную функцию: *этот = другой: этот* и есть *другой*.

В области симметрической разности множеств ожидаемо обнаруживаются компоненты, вступающие друг с другом в антонимические отношения:

- не интриган* (т. 1, с. 162, 117, 222) — *интриган* (т. 1, с. 162);
иду прямым путем (т. 1, с. 162) — *ходит окольным путем* (т. 1, с. 162),
маску надеваю <...> единственно для карнавала (т. 1, с. 163) — *маскируется перед людьми каждодневно* (т. 1, с. 163);
барин (т. 1, с. 159) — *бедный человек* (т. 1, с. 154), *забитый* (т. 1, с. 154), *бедный горемыка* (т. 1, с. 171);
честный (т. 1, с. 171) — *мошенник* (т. 1, с. 200);
добродетельный (т. 1, с. 171), *незлобивый* (т. 1, с. 171) — *зловредная тля* (т. 1, с. 183), *злодей* (т. 1, с. 213);
молодой друг мой (т. 1, с. 152) — *враг* (т. 1, с. 215).

Но ими область симметрической разности не исчерпывается. В содержание образа Голядкина войдут компоненты:

фигурант ты этакой (т. 1, с. 132),
Голядка ты этакой, фамилья твоя такова (т. 1, с. 132,159),
голубчик мой (т. 1, с. 132),
нюня ты этакая (т. 1, с. 159),
молодой друг мой (т. 1, с. 152),
недостойный ты этакой (т. 1, с. 212),
никто (т. 1, с. 151),
этот вот (т. 1, с. 171),
другой (т. 1, с. 171),
муж (т. 1, с. 222),
себе особо (т. 1, с. 116),
наблюдатель (т. 1, с. 223),
лицо постороннее (т. 1, с. 223)

Содержание образа двойника образуют компоненты:

тот (т. 1, с. 151),
он (т. 1, с. 151), *он курсивом* (т. 1, с. 215, 216),
особа-то эта известная (т. 1, с. 182),
лицо-то неблагоприятное (т. 1, с. 182),
известное лицо (т. 1, с. 196, 217),
иные особы (т. 1, с. 183),
сии особы (т. 1, с. 184),
все эти народы (т. 1, с. 161).

И те, и другие устремляются в зону симметрической разности. Но одновременно все эти знаки-носители смыслов объединяются абстрактным значением объективации объекта, независимо от того, совпадает ли объект высказывания с субъектом (с Голядкиным) или нет. Эта объективация смещает компоненты множества $\{Г\}$, которыми она выражается, в направлении зоны тождественности множеств $\{Г\}$ и $\{Д\}$, но и в зоне симметрической разности они сохраняются, подтверждая тенденцию к устранению дизъюнктивных отношений как «определенный порядок расположения обмениваемых компонентов».

Беседуя с самим собой (*мы с тобой*), обращаясь к себе на *ты*, наконец, говоря о себе *он*, Голядкин абстрагируется от себя самого, объективирует себя самого для себя самого, создавая предпосылки для возникновения двойника.

Между разными объектами системы — содержанием образа Голядкина и содержанием образа двойника — могут быть одновременно установлены отношения тождества и различия по линии одних и тех же признаков.

Одна и та же группа элементов (одни и те же смыслы) будет одновременно лежать и в зоне симметрической разности, и в зоне пересечения, одновременно вступая и в антонимичные отношения, и в синонимичные. Обмениваемыми единицами всегда будут *элементы глубоких ярусов связанных объектов*.

Дифференция, не совмещаемая с идентификацией, обнаруживается только в степени объективации, предельной в образе двойника (*все эти народы*), то есть на еще более глубоком уровне материи, подтверждая положение материалистической диалектики о неисчислимости уровней материи вглубь. Абстрактная сема *степени* проявления только одного смысла (*объективации*), который тоже выводится, — выход на более глубокие уровни материи, чем единицы обмена взаимодействующих потоков.

Получается, что казавшаяся умозрительной задача установить связь между теми или иными объектами надъобъекта (в нашем случае — между образами текста) конкретизируется, поскольку теперь речь идет о поиске обмениваемых компонентов этих объектов и об установлении логики их отбора («порядка их расположения»). Устойчивыми могут быть только *неслучайные связи* объекта.

Так системология Г.П. Мельникова обосновывает отбор методов, необходимых для решения поставленной задачи в любой сфере бытия. В данном случае — в филологическом исследовании текстов.

Диалектический характер соотношений между свойствами, связями и функциями элементов текста разных уровней

Теперь видно, что *связь* между образами, в полном соответствии с общей теорией систем Геннадия Прокопьевича, — *ограниченное нарушение границ* между ними; а образная *структура* текста — *схема границ между качествами* образов.

Если *основой связи* являются *обмениваемые элементы*, то очевидно, что связь зависит от их особенностей, то есть от их качества.

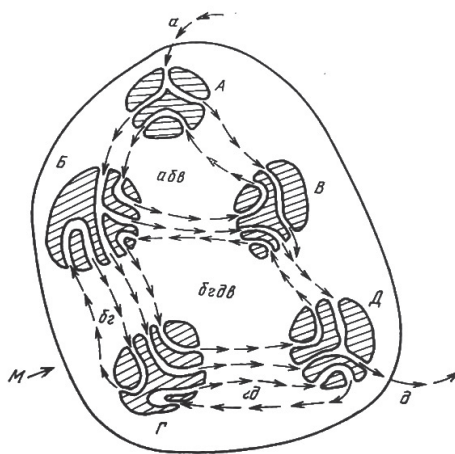
Связь с интенсивным обменом компонентов, как, например, та, которая обнаруживается, как мы показали, между образами Голядкина и двойника, Г.П. Мельников называет *обменным потоком*.

Для понимания текста будут значимы такие универсальные свойства связи, определенные Г.П. Мельниковым, как интенсивность, закон изменения интенсивности, направленность, скорость, место перехода обмениваемых компонентов. Мы установили *интенсивность* и *направленность* потоков. Потенциально, в зависимости от типа эстетической системы — сюжетно обусловленной или необусловленной, *изменение интенсивности* и *место перехода* обмениваемых компонентов может зависеть от точки/точек или отрезка/отрезков в разворачивании сюжета или характеристик иного уровня текста.

Скорость, — конечно, относительную — тоже можно установить, но только как проекцию на художественное время, которое может ускоряться или замедляться в зависимости от общей нацеленности текста. В нехудожественных текстах рассогласование скорости течения времени внутреннего (формируемого в тексте) и объективно данного может быть

в разной мере неосознаваемым желанием автора что-то опустить или на чем-то задержать внимание, равно как и осознанной манипуляцией, искажающей действительность. Правда, при изучении текста — в отличие от исследования физических, химических, биологических систем — критерии оценки времени надо будет каждый раз устанавливать.

И текст как *связный объект* можно осознать, по подтверждаемому нами выводу Г.П. Мельникова, только при *внутренне замкнутых потоках*, которые образуют *циклы* — их инвариантную характеристику. Геннадий Прокопьевич изображал эти представления графически (см. рисунок):

Полная структура условного объекта М⁹

Источник: составлено О.И. Валентиновой

The complete structure of the conditional object M [1. С. 28]

Source: compiled by Olga I. Valentinova

Это положение теории Г.П. Мельникова, уточняющее понятие *связности* через понятие *потока*, не только приложимо к исследованию текстов как способ научного рассуждения, то есть как метод, но и меняет статус одной из базовых методологических установок системного подхода, выработанного филологией в работе с текстами, с аксиоматического на безусловно доказуемый. Речь идет о понимании текста как связной целостности, самообеспечивающей равенство самой себе.

Целостность объекта обеспечивают не только качества, но и граничные свойства, которые препятствуют возникновению связей определенного вида.

Понимая *свойство* как внутреннюю способность объекта поддерживать — при некоторых условиях — определенные связи и препятствовать осуществлению связей другого вида, Г.П. Мельников приводит содержание понятий *свойства* и *связи* в диалектические соотношения.

⁹ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М. : Радио, 1978. С. 28.

Любое свойство — и качественное, и граничное — теперь можно определить через своеобразие той связи, в которую объект может вступить или возникновению которой может воспрепятствовать.

Поэтому Г.П. Мельников начинает рассматривать свойства объекта именно как *валентности*, то есть как *способности участвовать в связи с другими объектами*.

Рассмотрим такие общеизвестные композиционные формы речи, как диалог и монолог, на нескольких примерах из произведений Ф.М. Достоевского.

Вот фрагмент диалога между господином Голядкиным и доктором Крестьяном Ивановичем:

— <...> Дома сидеть не годится... вам дома сидеть никак невозможно (реплика доктора).

— <...> Я хочу сказать, Крестьян Иванович, что я иду своей дорогой, особой дорогой, Крестьян Иванович. Я себе особо и, сколько мне кажется, ни от кого не завишу. Я, Крестьян Иванович, тоже гулять выхожу (реплика Голядкина).

— Как?.. Да! Ну, нынче гулять не составляет никакой приятности; климат весьма нехороший.

— Да-с, Крестьян Иванович. Я, Крестьян Иванович, хоть и смирный человек, как я вам, кажется, имел честь объяснить, но дорога моя отдельно идет, Крестьян Иванович. Путь жизни широк... (т. 1, с. 115–116) <...>

— Скажите мне, пожалуйста, где вы живете теперь?

— Где я живу теперь, Крестьян Иванович?

— Да... я хочу... вы прежде, кажется, жили...

— Жил, Крестьян Иванович, жил и прежде. Как же не жить <...>” (т. 1, с. 121).

Житейский взгляд не различит в этом диалоге ничего иного, кроме масштаба главного героя, отвечающего невпопад на вопросы доктора. Но исследователь обнаружит, что композиционные формы речи в повести Ф.М. Достоевского наделяются свойством вступать в связи, преодолевающие линейную организацию текста: господин Голядкин отвечает не доктору, а своим «врагам». Элементы текста разного уровня имеют потенциальную возможность смыслового взаимодействия и в условиях линейной удаленности друг от друга, но в эстетической системе, формируемой в произведениях Ф.М. Достоевского, это взаимодействие свободно преодолевает логику обыденного ожидания, так характерного при восприятии прозы: есть вопрос и есть ответ на него. В ответах г-на Голядкина — самоутверждение героя, его реплики связаны между собой содержательно: Голядкин идет своей дорогой, особой дорогой, ни от кого не зависит, путь жизни широк, он жил и живет. Внутренние обменные смысловые потоки не образуются внутри диалога, а выходят за его пределы, размыкая его граничные свойства и делая его условным.

Композиционные формы речи в сочинении Ф.М. Достоевского наделяются *свойством условности*, которое формируется реализованной способностью их составляющих вступать в *над-линейные, вне-ситуационные связи* с иными элементами текста.

Рассмотрим еще один пример, подтверждающий условность композиционных форм речи. На этот раз из романа Ф.М. Достоевского «Идиот»¹⁰. Это небольшой фрагмент обсуждения «исповеди» Ипполита в Павловске на даче у Лебедева:

«Поднялся шум; Лебедев горячился и выходил уже из меры; Фердыщенко приготовился идти в полицию; Ганя неистово настаивал на том, что никто не застрелится. Евгений Павлович молчал.

— Князь, слетали вы когда-нибудь с колокольни? — прошептал ему вдруг Ипполит.

— Н-нет... — наивно ответил князь.

— Неужели вы думали, что я не предвидел всей этой ненависти! — прошептал опять Ипполит, засверкав глазами и смотря на князя, точно и в самом деле ждал от него ответа.

— Довольно! — закричал он вдруг на всю публику» (т. 8, с. 346–347).

Вопрос Ипполита кажется прагматически немотивированным, но при желании ему можно приписать подходящее к ситуации значение, например, если посчитать, что вопрос расценивался его автором как риторический и в нем содержится не вопрос, а, напротив, утверждение, метафорически передающее внутреннее состояние Ипполита.

Князь же отвечает на этот вопрос как на имеющий прямое значение. И отвечает обдуманно и серьезно, о чем говорят задержка ответа, пауза после него (*Н-нет...*) и слова автора (*наивно ответил князь*).

Этот ответ, над-сюжетно связываясь с другими точками романа, формирующими смысловое пересечение героя романа с образом Спасителя и обстоятельствами Его Первого пришествия, соотнесется (свяжется) с ответом Богочеловека на второе искушение дьявола и оборвет казавшуюся первоначально возможной связь вопроса с бурной сценой на даче у Лебедева.

Прагматическая немотивированность высказываний выполняет функцию актуализации концептуально значимых смыслов и является конструктивным приемом организации семантической структуры текста.

Функция как отображение одного множества на другое: сложность определения элементов, которые ставятся в соответствие исследуемому

Опираясь на теорию множеств, Геннадий Прокопьевич объяснял функцию как отображение одного множества на другое.

Но в тексте, особенно повышенной семиотической сложности, как, например, художественный, еще предстоит установить, какие элементы поставить в соответствие единичному элементу, выделенному в самостоятельное множество. Так ответным репликам Голядкина, чтобы определить их функцию, надо поставить в соответствие не реплики доктора, а мнение о Голядкине его «врагов». Диалогу между Ипполитом и князем Мышкина

¹⁰ Достоевский Ф.М. Идиот // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 8.

надо поставить в соответствие не внешний полилог, а иные фрагменты романа, формирующие связь между образом князя Льва Николаевича и смыслами Нового Завета. Структура связей элементов в составе объекта, дающая понимание их функций, тоже подлежит установлению.

Так системология Г.П. Мельникова дает нам объективный инструмент опознания: удалось установить функцию того или иного элемента объекта и самого объекта в надсистеме или не удалось.

Понимая функцию как важнейшее граничное свойство объекта, Г.П. Мельников рассматривал *узел связи* структуры связности, который соответствует вхождению любого элемента объекта в сеть связей объекта (или вхождению целого объекта — в сеть связей надобъекта), как *функцию* этого элемента в объекте. Произвольно установленный надобъект искажает достоверное представление об объекте, поскольку рассуждение в таком случае опирается на надуманные связи. Филологическая наука знает такие примеры. Д.С. Лихачев видел причину сопоставления Ветхого и Нового Заветов, лежащего в основании литургийной проповеди середины XI века — «Слова о законе и благодати», в возможности ее составителя созерцать росписи на сводах Киевской Софии: «...произнося свою проповедь, Иларион непосредственно исходил из темы окружающих его изображений»¹¹. Если рассмотреть рассуждение Д.С. Лихачева в свете соотношения понятий, разработанных в системологии, обнаружится ошибочность исходной позиции исследователя древнерусской литературы. Принимая за надсистему не литургию, часть которой представляет собой литургийная проповедь, а изобразительное пространство собора, в котором она произносится, мы сводим общую функцию «Слова о законе и благодати» (функцию объекта в надобъекте) к озвучиванию изображенных на фресках Софии сцен из Священного Писания.

Нащупав структуру связности текста, мы можем объективно, преодолевая индивидуальный психический опыт¹² [3], оценить и степень соответствия/несоответствия того или иного его элемента общей логике этой структуры. Например, чтобы обоснованно решить вопрос о включении/исключении главы «У Тихона»¹³ из романа Ф.М. Достоевского «Бесы»¹⁴, желательно опираться не на обстоятельства ее изъятия из корректуры редактором и не на справедливо восторженные отзывы о ее стилистическом решении [13]¹⁵, а на понима-

¹¹ Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. / отв. редактор акад. А.М. Деборин. М. —Л. : АН СССР, 1945.

с. 32.

¹² Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию. М.—Л. : Гос. изд-во, 1929.

¹³ Достоевский Ф.М. Бесы: Глава «У Тихона». Рукописные редакции // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л. : Наука, 1974. Т. 1 1.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л. : Наука, 1974. Т. 10.

¹⁵ Гроссман Л.П. Поэтика Достоевского. М. : Гос. Академия худ. наук, 1925.

ние структуры связности самого текста, как бы самонадеянно это ни звучало с нашей стороны. При жизни Ф.М. Достоевского эта глава не была опубликована ни в журнале М.Н. Каткова, ни в отдельном издании. После смерти писателя она обнаруживается то после, то внутри романа, в зависимости от тех или иных соображений издателей, не связанных с пониманием самого текста. Между тем эта глава в истории культуры — один из самых интересных примеров произвольного уничтожения произведения искусства самим автором. Глава «У Тихона» не трансформирует текст — она разрушает его, входя в противоречие со структурой связности элементов текста разного уровня.

Связь образа Ставрогина с сюжетной линией романа строится на двух принципах: тайна Ставрогина усугубляется — усилия остальных героев сосредоточены на том, чтобы эту тайну раскрыть. В главе «У Тихона», или «Исповеди Ставрогина», главный герой признается, что изнасиловал девочку. Девочка потом повесится. Уголовная история, разрешающая тайну, обесценивает структуру связности над-сюжетных смысловых элементов, закрепляющих содержательную связь образа Ставрогина со смыслами Нового Завета и апокрифическое совмещение атрибутов Богочеловека Второго пришествия (*силы, славы, власти*) с признаками врага рода человеческого и его слуг, и сообщит роману примитивную назидательную функцию, особенно чутко ощущаемую духовными лицами: «...наш писатель предупредил всех богопротивников, что <...> они превратятся <...> в убийцу Ставрогина, который с первого взгляда кажется героем, богом протеста, а на самом деле оказывается просто развратным хулиганом-скандалистом»¹⁶.

Оценка устойчивости структуры связности элементов текста как инструмент измерения равенства текста самому себе

Конкретизация закона диалектики о переходе количества в качество как закона о переходе граничных изменений в качественные позволит Г.П. Мельникову определить, в чем именно проявляются граничные (количественные) изменения. Перестройка связей разного объема, внутри объекта или с выходом за его пределы, то есть перестройка *структуры связности* или *полной структуры сети связей объекта*, приводит к качественным изменениям, вплоть до необратимых, когда объект перестает быть равным самому себе, становится иным объектом.

Болен ли Ставрогин или нет, жена ли ему Хромоножка, что его связывает с Дашей, какие у него отношения с Лизой — все эти тайны, которые постоянно нагнетаются, но все же постепенно раскрываются в романе, только растрavляют интерес читателя. Поиски тайны Ставрогина на сюжетном уровне ничего не объясняют в образе главного героя. Заключительные слова романа — «*Наши*

¹⁶ Антоний, митрополит Киевский и Галицкий. Словарь к творениям Достоевского. София : Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. С. 116–117.

медики по вскрытии трупа совершенно и настойчиво отвергли помешательство» (т. 10, с. 516) — возвращают к его началу, окончательно рассеивая сомнения в психическом здоровье Ставрогина. Отсутствие сюжетного объяснения подлинной тайны, окончательно закрепляемое в конце романа, не означает отсутствия этого объяснения. Оно закодировано в содержательной структуре образа, формируемой многократно возобновляемыми, а значит, устойчивыми связями между смыслами, соотносимыми с образом Ставрогина. Глава «У Тихона» обесмысливает сложные смысловые соответствия, сложившие вне этой главы, нивелируя все усилия текста по их закреплению.

Смыслы *страх осмеяния, лицедейство, способность проникать в чужие сны, в ход чужих мыслей, самозванство* как противоположность *избранничеству, шпионство* взаимодействуют между собой в содержательной структуре образа Ставрогина. Основание связи — общность источника: это признаки человека беззакония и его слуг.

Ближе к концу романа Лиза говорит Ставрогину после проведенной с ним ночи: «... у меня тогда, еще с самой Швейцарии, укрепилась мысль, что у вас что-то есть на душе ужасное, грязное и кровавое, и... и в то же время такое, что **ставит вас в ужасно смешном виде**. Берегитесь мне открывать, если правда: **я вас засмею. Я буду хохотать над вами всю вашу жизнь...** Ай, вы опять бледнеете?» (т. 10, с. 401). *Страх* Ставрогина *быть осмеянным* закрепляется в этой реплике не только лексическими повторами с усилениями и паузой, свидетельствующей об обдуманности слов героини, но и реакцией Ставрогина (*Ай, вы опять бледнеете?*), выдающей справедливость услышанного.

Задолго до этого, в разговоре с Кирилловым, сам Ставрогин скажет: «... если бы сделать злодейство или, главное, **стыд**, то есть **позор**, только **очень подлый** и... **смешной** <...>? <...> Положим, вы жили на луне, <...> вы там, положим, сделали все эти **смешные пакости**... Вы знаете наверно отсюда, что там **будут смеяться** и плевать на ваше имя тысячу лет, вечно, во всю луну. Но теперь вы здесь и смотрите на луну отсюда: какое вам дело здесь до всего того, что вы там наделали и что тамошние будут плевать на вас тысячу лет, не правда ли?» (т. 10, с. 187). И снова повторы, усиление и выделение паузой закрепят *боязнь осмеяния*.

Глава «У Тихона» обнаружит ужасное злодейство, совершенное Ставригиным, но разомкнет безусловную связь между злодейством и страхом осмеяния, разрывая сформированную структуру связности перечисленных смыслов, которая поддерживалась всем текстом. Разрыв связей примет цепной характер. Символическое значение *смеха*, которым сопровождается явное и неявное зло, тоже ослабнет. Одновременно начнет растушевываться и зона смысловой тождественности между образами Ставрогина и Петра Верховенского. Безудержный *хохот* Ставрогина, когда он кинул пачку кредиток в Федьку Каторжного, понимая, что тот примет эти кредитки как задаток за убийство

Марьи Тимофеевны (т. 10, с. 221, 231); усмешка на его губах (*усмехнулся, скривил рот, прибавил с злобною и раздражительною улыбкой, вскричал с злобною, искривленною улыбкой* (т. 10, с. 181, 216, 230, 231, 320 и др.) получают ситуационное («психологическое») объяснение. Смыслы, порождаемые словами Степана Трофимовича Верховенского о сыне: «*О карикатура! Помилуй, кричу ему, да неужто ты себя такого, как есть, людям взамен Христа предложить желаешь? Il rit. Il rit beaucoup, il rit trop. У его матери не было такой улыбки. Il rit toujours*» (т. 10, с. 171), — выйдут из области смыслового совпадения образов Ставрогина и Петра Верховенского. Изменение состава и порядка (логики) элементов обмена скажется на свойствах связи, изменит функции элементов, меняя схему их связности, и — в конечном счете — изменит качественные свойства всего объекта. Изменится глубина адаптации текста и его элементов: адаптация охватит меньшее число ярусов.

С уменьшением глубины адаптации текста изменится степень его системности: его совершенность, прямо пропорциональная глубине адаптации, начнет снижаться. Такой текст может перестать быть произведением искусства. Понимание текста или иного создания как произведения искусства из области субъективной оценочности переходит в сферу онтологической данности, имеющей объективное измерение. Только совершенные объекты, а значит, с высокой степенью системности, имеют неслучайную выраженную меру. Поэтому только в них полноценно выражается закон перехода количества в качество. Выход за границы меры изменит сущность объекта.

Разработанное Г.П. Мельниковым уточнение о переходе граничных изменений в качественные позволило, как мы удостоверились, соотнести *свойства* объекта и его *функции, связи и отношения*, под которыми понимаются в системологии еще не проявленные, а только возможные при определенных внешних и окрестностных условиях свойства сопоставляемых объектов.

Существующий набор связей и интенциональные предрасположенности к другим связям в объектах зависят от *внутренних условий*, от *внешних* и от *окрестностных* (то есть от других объектов, находящихся в окрестности). Их изменение приведет к изменению качеств самого объекта или элемента, рассматриваемого как объект более низкого уровня.

Мы еще не обсуждали значимость окрестностных условий, игнорирование которых, равно как и изменение, приводит к непониманию свойств объекта или их замещению.

Алеша — божий человек. Такова результирующая массового восприятия — и профанного, и профессионального — образа Алеша Карамазова, искажающая смысловую действительность романа Ф.М. Достоевского¹⁷. В линейном развитии романа первый раз сочетание *божий человек*

¹⁷ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I–X // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14.

(не человек) соотнесется с образом Алеши Карамазова в реплике Ракитина: «<...> Алешенька, **божий человек**» (т. 14, с. 321). Парадоксально, но слова автора — *с ненавистною улыбкой проговорил Ракитин*, — которые и составляют окрестностные условия этой реплики, остаются за пределами восприятия. Но ведь именно эти условия делают невозможным приписывание некоторого положительного смысла самой реплике.

Позже Митя скажет Алеше¹⁸: «...**божий ты человек**» (т. 15, с. 27), но уже в окрестностных условиях, допускающих появление положительной оценки, хотя и не вымещающих уже существующую отрицательную. Понятно, что окрестностные условия прямо влияют на содержание образа Алеши Карамазова, его качественные свойства, и характер их связи с содержанием других образов романа, которые мы определяли как тенденцию к устранению дизъюнктивных отношений.

Наличие интенций и условий для возникновения связей между объектами становятся причиной их свойств. Такое понимание причины формирования свойств объекта позволяет Г.П. Мельникову конкретизировать идею о *самодвижении материи*. Присущая произведениям искусства, как и иным совершенным системам, глубокая адаптация сообщает предрасположенность к *такому* взаимодействию с действительностью, которое может рассматриваться как *ее опережающее отражение*. В этом смысле искусство не только отражает и преобразует действительность, но и предвосхищает ее.

Заключение

Экстраполяция содержательного соотношения понятий, разработанных Г.П. Мельниковым для объяснения системы как единственно возможного способа существования объектов физической и ментальной действительности, на исследование текстов обнажила исключительную методологическую ценность системологии для филологии. Материалистическое понимание связи, диалектического характера соотношения между связью и свойством, качественными свойствами объекта и граничными, цикличности внутренне замкнутых потоков как необходимого условия связности целого, последствий изменения структуры связности, учета внутренних, внешних и окрестностных условий в формировании свойств объекта позволяет строго сформулировать логику исследовательских действий, дать объективную оценку степени достоверности сделанных выводов, выявить обрывы в системе доказательств и восполнить их. Теория систем Г.П. Мельникова сообщает осязаемую материальность таким трудно фиксируемыми свойствам объектов, как самодвижение материи и опережающее отражение, свойственным совершенным системам, к которым доказательно относятся семиотически сложные тексты

¹⁸ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Кн. XI–XII. Эпилог. Рукописные редакции // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15.

высокой степени системности — художественные, религиозные, мифологические. Связывая философию с частной наукой, системная методология (системология Г.П. Мельникова) обосновывает логику отбора методов, вымещающая умозрительность и интуитивность суждений системой доказательств. В эпоху упадка, особенно очевидно переживаемого гуманитарными науками, системология, как методологическая теория, становится рычагом выхода из кризиса.

Список литературы

1. Федосюк М. Ю. Концепция Г. П. Мельникова и дискуссия о русской языковой картине мира // Политическая лингвистика. 2012. № 2(40). С. 11–12. EDN: PCAVNX
2. Валентинова О.И., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Забытые парадигмы языкознания: Системология Г.П. Мельникова // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2016. № 5. С. 85–91. <https://doi.org/10.20339/PhS.5-16.085> EDN: WLZZGZ
3. Бубнова Н.А. Механизмы понимания: теория мнемы Н.А. Рубакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 38–50. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50> EDN: DBKNGO

References

1. Fedosyuk, M.Yu. (2012). G.P. Melnikov's Concept and Discussion about the Russian Language Picture of the World. *Political Linguistics*, 2(40), 11–12. (In Russ.). EDN: PCAVNX
2. Valentinova, O.I., Preobrazhensky, S.Yu., & Rybakov, M.A. (2016). Forgotten Paradigms of Linguistics: G.P. Mel'niko's, Systemology. *Philological Science: Scientific Essays of Higher Education*, 5, 85–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.5-16.085> EDN: WLZZGZ
3. Bubnova, N.A. (2024). Mechanisms of Understanding: Nikolay A. Rubakin's Mnema Theory. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 38–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50> EDN: DBKNGO

Сведения об авторе:

Валентинова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: филологическая герменевтика, история и теория поэтики, история русского литературного языка, системная лингвистика; *e-mail*: valentinova-ov@rudn.ru ORCID: 0000-0002-8510-8701; Scopus Author ID: 57193140621; ResearcherID: X-8826-2019. SPIN-код: 6986-9081, AuthorID: 499720.

Information about the author:

Olga I. Valentinova, Dr.Sc. (Philology), Full Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: philological hermeneutics, history and theory of poetics, Russian literary language history, systemic linguistics; *e-mail*: valentinova-ov@rudn.ru ORCID: 0000-0002-8510-8701; Scopus Author ID: 57193140621; ResearcherID: X-8826-2019. SPIN-code: 6986-9081, AuthorID: 499720.